

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

© 2017 г. Е.Н. Холондович*¹

*ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия;

e-mail: holelena@bk.ru

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация: В статье обсуждается вопрос о необходимости использования в научном познании человека психологического знания, содержащегося в области искусства. На примере художественного творчества Н.В. Гоголя показано, что оно содержит знание о психологическом мире человека, особенностях самосознания творца – опосредованного, заключенного в текстах, о влиянии искусства на развитие духовного мира человека.

Ключевые слова: искусство, психологическое познание, восприятие искусства, Н.В. Гоголь, самосознание творца, психологические особенности личность творца, духовный мир человека

ВВЕДЕНИЕ

В работах ряда отечественных психологов обосновывается необходимость включения вненаучного психологического знания в сферу психологической науки (Е.А. Будилова, Б.Г. Ананьев, В.А. Кольцова, К.А. Абульханова, Б.М. Теплов, А.В. Юревич и др.), поскольку оно является богатейшим источником знаний о психике человека. Ярким примером такого исследования служат работы Л.С. Выготского, И.В. Страхова, Б.М. Теплова, Б.Г. Ананьева и др.

¹ Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН».

В.А. Кольцова в своей работе, посвященной методологии истории психологии, обосновывает необходимость обращения к вненаучному психологическому познанию, одной из форм которого выступает искусство (Кольцова, 2004). Искусство является особой, художественной, формой познания человека и его внутреннего мира. Познавательная ценность искусства состоит в том, что оно дает художественно-образное описание мира и в то же время отражает внутренний мир творца. Отсюда можно сделать вывод о том, что изучение произведений художественной литературы, являющихся продуктом человеческой деятельности, позволит нам прикоснуться к той психологической реальности, которая опосредованно выступает в тексте. Интуитивный стиль мышления, высокая рефлексивность позволяют художнику проникнуть вглубь явления, увидеть то, что скрыто в обыденной жизни.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

В качестве подтверждения представленного нами положения выступает психологический анализ творчества Н.В. Гоголя, которое на протяжении долгого времени вызывает живейший интерес у специалистов различных областей: литературоведов, философов, психиатров, психологов и т.д. По нашему мнению, в его художественных и публицистических работах заложено глубокое психологическое знание. Еще В. Зеньковский указывал на то, что за внешним реализмом Гоголя скрывается очень тонкий и наблюдательный психолог (Зеньковский, 1994). Писатель дает яркие психические портреты людей, раскрывает особенности их поведения, эмоциональной сферы, мотивов и целей их жизнедеятельности. В поэме «Мертвые души» Гоголь рисует своеобразные типы личности, которые рассматриваются автором с точки зрения их конституционных особенностей, поведения, установок, бытовой жизни персонажа, видя в этом отражение сути личности. В работе Е.Ю. Коржовой «Духовная лестница Н.В. Гоголя:

Личность и творчество» разработана целая типология личностей с опорой на гоголевских персонажей (Коржова, 2009).

Интересные психологические воззрения содержатся в работе Гоголя «Мысли о географии», хотя, конечно же, они в большей степени выражают научные представления первой половины XIX века. В этой работе писатель высказывает свои взгляды на методы преподавания географии. Он обращает внимание педагогов на недостаточный объем памяти и избирательность внимания ребенка (речь идет о воспитанниках начальной школы). Развивая свою мысль, Гоголь делает вывод о том, что важно дать ребенку целостное представление о предмете изучения, в частности, о Земле, четко разграничить водные и твердые поверхности (фигура и фон), которые «резкостью своею невольно вторгнулись в мысли их и преследовали бы их неотступно неправильной своею фигурою»² (Гоголь, 1994, т. 6, с. 252). Более же мелкие подробности нужно, по мнению писателя, оставить для учеников старшего возраста. Он убежден в том, что в обучении необходимо следовать за постепенным развитием ребенка. Такой метод даст возможность разбудить воображение и не перегрузит память излишними подробностями, усвоить которые на определенном этапе своего развития ребенок не может. С точки зрения современного научного знания, мы бы сказали, что для усвоения предмета требуется учет постепенности созревания, как мозговых структур, так и психических функций ребенка.

Важную роль Гоголь отводит зрительной памяти в развитии интеллектуальных способностей ребенка. Работа с наглядными пособиями (картами) имеет, по его мнению, очень большое значение и ставится им на первое место при заучивании материала. Чтобы внимание ученика не истощалось, а память укреплялась, в преподавании необходимо использовать яркие факты, привлекающие и интересующие детей:

²В тексте сохранена орфография Н.В. Гоголя.

«Что действует сильно на воображение, то не скоро выбьется из головы» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 256).

Детский возраст открыт для разнообразных впечатлений, и задача педагога наполнить его. Он него требуются энтузиазм, сила мысли, знания, погруженность в свой предмет. Только тогда он увлечет ребенка и покажет ему правильный путь. Эти наблюдения Гоголь выносит из опыта преподавания в Патриотическом институте, наблюдений за своими учениками. Они относятся к 30-м годам XIX века.

К этому же времени относятся статьи об эстетическом влиянии различных видов искусств на человека. Так, в одной из статей Гоголь пишет: «Чувственная, пленительная скульптура внушает наслаждение, живопись – тихий восторг и мечтание, музыка – страсть и смятение души» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 273). Рассуждая о влиянии музыки на слушателя, из этих трех искусств он отдает предпочтение именно музыке: «Он [слушатель – Е.Х.] уже не наслаждается, он не сострадает [в отличие от воспринимающего скульптуру и живопись – Е.Х.], – он сам превращается в страдание; душа его не созерцает непостижимого явления, но сама живет, живет своею жизнью, живет порывно, сокрушительно, мятежно» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 273). То есть, происходит то самое психологическое влияние искусства на психику человека, которое Л.С. Выготский назвал «эстетической реакцией», призванной при помощи сопереживания совершенствовать человека, будить в нем «уже существующие, но бездействующие в нашем организме силы», способные формировать «нового человека» (Выготский, 1968, с. 329).

На протяжении всего творческого пути Гоголя не оставляют мысли о задачах искусства, его формах и методах, об ответственности художника. Он писал, что всегда его потребностью, как в жизни, так и в искусстве, было наблюдение «над человеком и над душой человеческой» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 239). Уже в более поздний период своей творческой биографии в статье «Искусство есть примирение с жизнью», размышляя об искусстве вообще и о

своем месте в нем, Гоголь пишет: «Искусство есть примирение с жизнью. Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокоивающее и примирительное... Искусство есть водворенье в душе стройности и порядка, а не смущенья и расстройства... Тогда только, и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначенье и внесет порядок и стройность в общество!» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 240). Эти слова звучат и в наше время очень современно и актуально.

Гоголь в своей работе сформулировал два аспекта психологического значения искусства: во-первых, важность искусства в нравственном развитии личности; во-вторых, роль искусства в познании внутренней жизни человека и общества. Он подчеркивал важность осознания творцом ответственности за свое творение. Чем больше автор будет осознавать эту ответственность, тем сильнее он будет стремиться к самосовершенствованию. «Писатель, если только он одарен творческой силою создавать собственные образы, воспитайся прежде, как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо!» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 240). Эту задачу Гоголь ставил, прежде всего, перед собой, доказывая всей своей жизнью правильность данного утверждения.

Готовясь к должности профессора истории в Киеве, и затем исполняя обязанности адъюнкта на кафедре всемирной истории в Санкт-Петербургском университете, Гоголь пишет лекции о всемирной истории, о путях развития цивилизации, издает статьи об истории России и Малороссии.

Одна из задач, которую ставил Гоголь перед собой как историком и писателем, – описать характер народа. Для этого, как он полагал, нужно собрать присущие ему оригинальные черты, может быть незаметные для глаза оттенки. «Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем

развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 241). Именно эту задачу – исправление недостатков и возвеличивание достоинств русского человека – писатель решал в своих поздних произведениях: «Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями».

Интересно, что он был горячим сторонником мнения о том, что важную роль в становлении характера народа играют географические и климатические факторы. История физическая, по Гоголю, влияет на дальнейшее развитие народа. Эти взгляды отражают воззрения историков первой половины XIX века, а так же представителей французской «психологизирующей истории» XX века М. Блока, Л. Февра, Л. Броделя и др.

Историческими изысканиями наполнены рабочие материалы писателя. Истории он отводил особое место. Удивляясь своим современникам, отвергающим необходимость изучения истории, полагающих, что ее знание бесполезно, Гоголь восклицал: «Поэтому самому и нужно теперь знание истории более полное и более глубокое, чем когда-либо прежде! Корни и семена всех нынешних явлений там» (Гоголь, 1994, т. 6, с. 244). Причем, он подчеркивал, что для выявления причинно-следственных связей необходимо знать, как историю своей страны, так и всемирную историю. Этой идеи придерживались уже в более позднее время известные русские историки К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев. Гоголь указывал на странную особенность русского общества жить только будущим и пренебрегать прошлым. По его мнению, достойное будущее невозможно без знания прошлого.

В своих теоретических изысканиях Н.В. Гоголь обращается к следующим историческим источникам: древним летописям Нестора, «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, исследованиям

зарубежных историков –А. Шлецеру, И. Миллеру, И.Г. Герберу. И, конечно же, одним из важнейших источников для него служат придания, песни, сказки, изустные истории о старине, сохранившиеся в его крае и переданные ему родными. В творческие планы Гоголя входило написание истории Малороссии, которые, к сожалению, не осуществились, хотя в рабочих материалах писателя сохранились лекции, статьи, размышления на данную тему. Влияние Малороссии на Гоголя очень значительно. В своих письмах писатель признается в том значении, которое для него имеют малороссийские песни, пылким поклонником и собирателем которых он оставался в течение всей своей жизни. «Я не могу жить без песен. Вы не понимаете, какая это мука. – Писал он М.А. Максимовичу. – Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни» (цит. по: Кулиш, 1856, т. 1, с. 125).

Уже в начале XX века русский историк Н.И. Костомаров, исследовавший особенности исторического развития южнорусской и великорусской народностей, настаивал на изучении народного творчества и в своих работах констатировал, что народные песни есть выражение чувств народа. А, в свою очередь, чувства – «основа всякого проявления духа, возбудитель мысли и поступков, корень нравственного бытия» (Костомаров, 1903, т. 21, с. 434). И, возможно, обращение к народному творчеству позволило чувствам и мыслям Гоголя вылиться в особый поэтический строй, показавшийся столь оригинальным в России его современникам, способствовало зарождению новых образов, свежих идей, сильно высказанных чувств, развитию лирического настроения.

Гоголя можно назвать выразителем различных оттенков южнорусского народного духа. Вся ранняя проза писателя проникнута необыкновенной поэтичностью, свойственной южноруссам вообще. Описание природы у Гоголя передает красоту и мягкость украинских ландшафтов, любовное отношение к ним. Оно наполнено метафорами и олицетворениями. Автор как

бы очеловечивает картину природы. Но в то же время он передает величественность, грандиозность и мощь Божьего замысла. «Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравна, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает она украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет, – она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 17). Природа, как и красота женщины, для героев Гоголя таит в себе нечто странное, таинственное, порой страшное. Это страшное (ведьмы, мертвецы, черт) в своем неповторимом многообразии отражает черты южнорусского эпоса.

Н.И. Костомаров, изучавший этнографию Малороссии, подтверждает, что южноруссов отличает стремление к духовной стороне жизни, к поэзии. Доказательством тому и служит южнорусская песня. Она удерживается в рамках действительности, не восходит к эпическим далям, но блистает силой и красотой поэзии, непревзойденной мечтательностью, обращена к сфере воображения и чувств. Участие природы чрезвычайно сильно в южнорусских песнях; она «оживляет ее, делает участницею радости и горя человеческой души» (там же, с. 56–57).

Но Н.В. Гоголь также показывает читателю, что южноруссы глубоко верующие; их вера основательна. Южнорусс не мстителен, хотя злопамятен из осторожности. Он терпим и к полякам, и к евреям (может и есть, и пить, и жить с ними), но до тех пор, пока не касаются его святыни. Именно вера становится главной причиной, которая заставляет казаков – персонажей

повести «Тарас Бульба» – идти воевать с турками и поляками, защищать веру и православных собратьев, хотя вторая причина – это обогащение. Но писатель показывает, что оно для казаков не цель накопительства, как у персонажей первого тома поэмы «Мертвые души», или стремление к удовольствиям, как у Хлестакова героя пьесы «Ревизор». В их бесшабашном образе жизни деньги не становятся главным. На первом месте – вера, доблесть, праздник. В этом Гоголь видит их отличие от поляков, которые своим внешним блеском попирают другие достоинства. Во второй редакции «Тараса Бульбы» Гоголь намеренно вводит описание воинства казачьего и польского. Блеск золота, великолепие нарядов ляхов противопоставлено простоте, хотя и несомненной красочности, одежий казаков. «Все высыпали на вал, и представила пред казаков живая картина: польские витязи, один другого красивее, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперенными белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами. Кафтаны с откидными рукавами, шитые золотом и просто выложенные шнурками... Казацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было из них ни на ком золота; только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправ. Не любили казаки богато наряжаться на битвах: простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные, червоноверхие бараньи их шапки» (Гоголь, 1994, т. 2, с. 275). Именно внешний блеск и богатство ассоциировались для писателя с бездушностью и нравственной опустошенностью.

Интересно, что еще учась в Гимназии высших наук г. Нежина, молодой Гоголь страстно мечтал о Петербурге, но, приехав в него, испытал разочарование. На поверку он оказывается фантастическим городом, где все поглощено как в тумане блеском, суетой и пошлостью жизни, где человек – песчинка, брошенная в круговорот жизни. Всю свою последующую жизнь он стремился прочь из Петербурга – к теплу, солнцу. И только в Италии он

находил то, что искал, – тепло милой его сердцу Малороссии. В поэтике писателя вновь звучат удивительные по красоте описания природы, древних дворцов, красивых женщин. В повести «Рим» он признается в своей любви к древнему городу. Здесь же, описывая Париж, Гоголь ставит его на одну ступень с Петербургом, как воплощение бездушности, нравственной пустоты, блеска и погони за удовольствиями. Вообще, старина у Гоголя выглядит более вдохновенно, чем описание современного ему общества, где превалирует сатира, неудержимый смех и грусть над пошлым и мелочным миром наживы. И как точно замечает Д.С. Мережковский, смех у Гоголя, если вдуматься, вызывает глубокую грусть и слезы.

Возвращаясь к ранней поэтике Гоголя, можно сказать, что казачество для него имело особое значение. В роду его по линии отца исследователи упоминают отважного казачьего полковника Остапа Гоголя, грозного и упрямого воина времен Б. Хмельницкого, о существовании которого молодой писатель, несомненно, знал. У Гоголя прослеживается некое романтическое представление о казаках. В подготовительных материалах к «Истории Малороссии» писатель сравнивал их со средневековым рыцарством, «железными поборниками веры Христовой» (Гоголь, 1991, т. 7, с. 158). Их дружины объединялись на свободных началах, состояли из суровых, неукротимых, смелых и благородных людей, «железных поборников веры Христовой» (там же). Но в то же время Гоголь не отрицал, что казаки не соблюдали никаких обетов, вели разгульный образ жизни; вся жизнь их была вечным праздником. Но только вставала надобность, они брались за оружие. И в этом им не было равных. «Руби, козак! гуляй, козак! тешь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотые сбруи и жупаны! топчи под ноги золото и камня! Коли, козак! гуляй, козак! но оглянись назад: нечестивые ляхи зажигают уже хаты и угоняют напуганный скот» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 150). Удадь, безудержная смелость, бесшабашность и

отвага, доходящая до безрассудства, склонность к мистическому восприятию мира – таков казак в описании Гоголя.

Мы уже отмечали, что «Вечера на хуторе близь Диканьки» насквозь пронизаны поэтичностью, наполнены метафорами, олицетворениями, гиперболами, очень образны и подчинены духу мистичности, который так характерен для всего творчества Гоголя. Но мистика соседствует с глубокой православной верой, верой с наказанием зла. «Дико закричал он и заплакал, как иступленный, и погнал коня прямо к Киеву. Ему чудилось, что все со всех сторон бежало ловить его: деревья, обступивши темным лесом и как будто живые, кивая черными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задушить его; звезды, казалось, бежали впереди перед ним, указывая всем на грешника; сама дорога, чудилось, мчалась по следам его. Отчаянный колдун летел в Киев к святым местам» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 158). Это одна сторона. Другая сторона – тонкий юмор, глубокое знание человеческой природы. А.С. Пушкин в письме к А.Ф. Воейкову (август 1831 года), выражает свое отношение к «Вечерам на хуторе близь Диканьке»: «Сейчас прочел “Вечера близ Диканьки”. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность!» (цит. по: Вересаев, 1990, с. 124). Смешливость и лукавство отмечают современники и в характере самого Гоголя. Он неподражаемо умел рассказывать очень смешные и забавные вещи, оставаясь при этом очень серьезным. Даже в его внешнем облике, вернее во взгляде, многие видели особый лукавый огонек.

Еще одна особенность творчества писателя – это особое, поэтическое отношение к женщине, что также является неотъемлемой чертой южнорусского характера: «...перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте. Она лежала как живая. Чело, прекрасное, нежное, как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови – ночь

среди солнечного дня, тонкие, ровные, горделиво приподнялись над закрытыми глазами, а ресницы, упавшие стрелами на щеки, пылавшие жаром тайных желаний; уста – рубины, готовые усмехнуться...» (Гоголь, 1994, т. 1, с. 339). Писатель пытается донести до читателей свое преклонение и удивление перед женской красотой. Но, наряду с преклонением, присутствует страх, так как в ней таится и необыкновенная сила, способная погубить человека. Данная тенденция прослеживается в «Вие» и далее в произведениях петербургского периода его творчества – «Невском проспекте», «Записках сумасшедшего». Мы можем ее найти и в письмах Гоголя начала 30-х годов. В письме к матери он объясняет свой первый отъезд за границу, неожиданным чувством, постигшим его. «Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О, какое жестокое состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то он не так мучителен... В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я...» (цит. по: Вересаев, 1990, с.103). О любви Гоголь пишет, как об ужасном, мучительном состоянии: «Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу» (там же). Чувства, описанные Гоголем в письме к матери, имеют свое продолжение, воплощение, а может быть, и источник в повести «Невский проспект». Многие исследователи утверждают, что это чувство – плод воображения молодого писателя. Но описание его в повести отражает все нюансы влюбленного – от восторга и преклонения, до страха, ужаса и отчаяния.

Н.И. Костомаров в работе «Две народности», анализируя народную малороссийскую поэзию, отмечает, что любовное чувство в ней достигает высочайшей одухотворенности, чистоты и грации образов. Женщина, в представлении южноруссов, – прекрасна, грациозна. Все это говорит о стремлении данной народности придать всему окружающему миру прекрасную, изящную форму. Он облагорожен и лишен тривиальности.

Костомаров отмечает в южнорусском эпосе прелесть слова и выражения, доходящую до художественных высот. Богатство воображения приводит к большому количеству суеверий. В Малороссии чуть ли не в каждом селе существовали поэтические рассказы о туманной старине. «Мир духов в самых разнообразных образах и страхах, поднимающих на голове волосы и смех до икоты», – пишет Костомаров о малороссийских песнях и сказаниях (Костомаров, 1903, т. 1, с. 59). Он констатирует наличие в их эпосе рассказов о мертвецах, вампирах, мире духов. Этот мир духов с большим юмором представлен в ранней поэтике Н.В. Гоголя.

Необыкновенная религиозность Гоголя также есть в какой-то мере отражение черт, присущих ментальности южноруссов. Для южноруссов характерно чувство «всеприсутствия Бога, душевное умиление, внутреннее обращение к Богу, тайное размышление о Промысле, над собой. Сердечное влечение к духовному, неизвестному, таинственному и образному миру», отмечает Костомаров в своих исследованиях (Костомаров, 1903, т. 1, с. 60–61). Эта же черта характерна для родителей Гоголя и для него самого. (Знакомство родителей будущего писателя и его рождение окутано легендами). Интересно, что религиозные тенденции наиболее ярко прослеживаются на начальном этапе творчества («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») и на последнем («Выбранные места из переписки с друзьями», «Божественная литургия», «Авторская исповедь», второй том «Мертвых душ»). Хотя характер этой религиозности разный. Вероятно, религиозность, как неотъемлемая часть его детства писателя, прерывается на какое-то время, вернее уходит во внутренний пласт его души и созревает в ней до определенного момента. Она имеет свойство внутренней сосредоточенности. Для него важно, прежде всего, самосовершенствование. Нравственное исправление человека возможно только через личный пример. Отсюда искреннее убеждение писателя в том, что искоренение общественных недостатков невозможно до тех пор, пока каждый человек не

начнет усовершенствования собственной души и своего нравственного облика. Но эти мысли будут высказаны Гоголем много позже в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Дарование писателя позволяет нам увидеть живые образы, понять мотивы поведения героев его произведений, их характер. Гоголь отталкивается от исторического источника, но домысливает психологические характеристики героев, вкладывая в их образы определенный смысл, важный для понимания идей и ценностей, заложенных в сознании самого писателя. Это позволяет читателю понять, что ценил, что считал лучшим писатель, как смотрел на жизнь. О своих ранних работах Гоголь писал, что они имеют по большей части бессознательные корни, написаны как бы интуитивно. Как нам кажется, это особенно важно, так как в них заложены не только исторические, этнографические наблюдения писателя, но и его детские впечатления, особенности воспитания и представления маленького мальчика, что позволяет говорить о том, что в этих работах отразилась и личность самого писателя.

На раннем этапе творчества Н.В. Гоголь обращается к своим истокам, к истории своего народа, которая становится источником для выражения художественного своеобразия его дарования и самовыражения его личности. Как автор исторического романа он воспроизводит в своей фантазии историческую реальность, но также в данном случае выступает как художественный выразитель ментальности народа, естественно трансформировавшейся во времени, но сохранившей свои основные черты. Как пишет А.А. Потебня, «только в литературе... окончательно и вполне может выразиться личная физиогномия народа» (Потебня, 1993, с. 185). В. Дильтей считал, что именно гении являются выразителями народного духа. Таким гением был Н.В. Гоголь. В данном случае принадлежность писателя к Малороссии определила идейную направленность его произведений на

начальном этапе творчества и позволила выразить не только характерные черты этого народа, но и особенности собственной личности.

Религиозность Гоголя трансформировалась на протяжении всего его жизненного пути и отразилась в творчестве писателя, видоизменяясь от мистически окрашенных народных верований к глубокому пониманию ответственности христианина перед Богом и окружающими его людьми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, из проведенного анализа можно сделать вывод, что обращение к искусству, к художественному творчеству как источнику психологического знания очень важно. Оно оказывает влияние на психологическое развитие человека, вызывая глубокие эмоциональные переживания и выполняя воспитательные функции. Также важна роль художественного творчества в раскрытии психологического мира человека. Оно является источником знания о личности творца, опосредованно представляя читателю ценности и идеалы автора, являясь «объективированной формой выражения его самосознания» (Кольцова, 2008, с. 121). Мы можем также утверждать, что художественное творчество может выступать объектом психологического исследования. «Являясь чутким индикатором общественных потребностей, настроений, идей, – пишет В.А. Кольцова, – искусство обладает способностью быстрого и оперативного освоения и воплощения их в присущие ему художественные формы, поэтому оно выступает важным источником изучения психологической мысли своего времени» (Кольцова, 2004, с. 276).

Литература

Выготский Л.С. Психология Искусства. М, 1968.

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близь Диканьки // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 1. М., 1994.

Гоголь Н.В. Вий // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 2. М., 1994. С. 321–356.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 7–185.

Гоголь Н.В. Искусство есть примирение с жизнью // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 237–242.

Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.4. М., 1994.

Гоголь Н.В. Мысли о географии // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 250–258.

Гоголь Н.В. Невский проспект // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 3. М., 1994. С. 7–38.

Гоголь Н.В. О преподавании всеобщей истории // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 258–271.

Гоголь Н.В. Объявление об издании Истории Малороссии. Отрывок из «Истории Малороссии». Размышления Мазепы. Взгляд на состояние Малороссии. О малороссийских песнях // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.7. М., 1994. С. 149–168.

Гоголь Н.В. Рим // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т. 3. М., 1994. С. 166–203.

Гоголь Н.В. Скульптура, живопись и музыка // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.6. М., 1994. С. 271–275.

Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9-и т. Т.2. М., 1994. С. 218–321.

Гоголь Н.В. Тарас Бульба (редакция 1835 г.) // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В9-и т. Т.7. М., 1994. С. 179–241.

Зеньковский В.В. В. Гиппиус. Гоголь; В. Зеньковский. Н.В. Гоголь (Судьбы. Оценки. Воспоминания. XIX–XXвв.) СПб., 1994. С. 191–335.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М., 2008.

Коржова Е.Ю. Духовная лестница Н.В. Гоголя: Личность и творчество. СПб., 2009.

Костомаров Н.И. Две русские народности // Костомаров Н.И. Собр. соч.: В 21 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 31–65.

Костомаров Н.И. Историческое значение южно-русского народного песенного творчества // Костомаров Н.И. Собр. соч.: В 21 т. Т. 21. СПб., 1903.

Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в древней Руси // Костомаров Н.И. Собр. соч.: В 21 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 1–30.

Кулиш П.А. Записки о жизни Н.В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Т. 1. СПб., 1856.

Мережковский Д.С. Гоголь и черт. URL: <http://www.vehi.net/merezhkovsky/gogol/index.html> (Дата обращения: 18.02. 2014)

Потебня А.А. Языкинародность. Киев, 1993. С. 158–186.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ARTISTIC CREATIVITY N.V. GOGOL

E.N. Kholondovich*

**Candidate of psychology, senior researcher associate laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of psychology of the Russian academy of sciences*

Abstract: The article discusses the need to use psychological knowledge contained in art. For example, artistic creativity N.V. Gogol contains knowledge about the psychological aspects of the human world, the psychological characteristics of the personality of the creator, indirectly included in the text, the influence of art on the development of the spiritual of man.

Keywords: art, psychological cognition, perception of art, N.V. Gogol, the identity of the creator, the psychological characteristics of the personality of the creator, the spiritual world of the human